

Отзыв официального оппонента на диссертацию А. А. Дмитриевой «Возможности интроспекции в философии сознания», представленную на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.01 – онтология и теория познания

Диссертационное исследование Ангелины Арсеновны Дмитриевой посвящено одной из наиболее интересных и актуальных тем в области философского знания – проблеме интроспекции. Основная задача, которую ставила перед собой автор исследования, состояла в прояснении эпистемологического статуса интроспекции, т. е. правомерности ее использования в научном познании. Для этой цели диссертант берется за разъяснение генезиса интроспекции как метода работы с данностями сознания в философии Нового времени, анализирует аргументы, выдвинутые критиками интроспекции в философии XX века, а также рассматривает формы концептуализации интроспекции в современной философии.

В первой главе автор диссертации демонстрирует, что в философии Нового времени происходит концептуальное оформление процедуры интроспекции как особого процесса работы с данностями сознания, который невозможно свести к функционированию памяти и воображения. В философии Р. Декарта диссертант усматривает первую рабочую модель интроспекции. Дмитриева утверждает, что «открытие *cogito* Декартом осуществляется благодаря особой процедуре наблюдения за содержаниями собственного сознания» (с. 26). В тексте главы показано, что в философии Р. Декарта, Дж. Локка и Д. Юма были заложены основы так называемой перцептивной модели интроспекции. Такая модель интроспекции предполагает, что интроспекция, во-первых реализуется мышлением (сознанием), во-вторых, осуществляется от первого лица, в-третьих, протекает в форме внутреннего восприятия, в-четвертых, данные, получаемые в ходе такого восприятия, приватны (даны исключительно субъекту, осуществляющему интроспекцию), и в-пятых, обладают достоверностью.

По логике изложения автора диссертации (п. 1.1) получается, что метод радикального сомнения Декарта есть не что иное, как интроспекция. Далее, следуя за Г. Райлом и Р. Рорти, диссертант практически отождествляет операцию рефлексии, описываемую Локком, с интроспекцией (п. 1.2), а в п. 1.3 называет интроспекцией механизм направления внимания ума на себя, или акт наблюдения за своим умом, используемый Юмом. Диссертант считает вышеуказанные теории тремя базовыми вариантами перцептивной модели интроспекции. Концептуальный анализ, предпринятый Дмитриевой, приводит ее к выводу о том, что во всех трех вариантах мы имеем дело с эпистемологической функцией интроспекции, несмотря на различия в деталях.

Вторая глава диссертации посвящена критике эпистемологического потенциала перцептивной модели интроспекции, а также двум вариантам редукции интроспекции, которые были предприняты в философии XX века. В первой части второй главы диссертант скрупулезно анализирует четыре аргумента против перцептивной модели интроспекции: 1) аргумент логического бихевиоризма, отрицающий привилегированный статус данных, переживаемых из перспективы первого лица, 2) аргумент, отрицающий особую феноменологию, имеющую место в ходе интроспекции, 3) аргумент, утверждающий что интроспекция ведет к регрессу в бесконечность, 4) аргумент, вскрывающий концептуальное противоречие в метафоре так называемого внутреннего ока. Анализ первого аргумента в основном строится на реконструкции критики интроспекции, предпринятой Г. Райлом в работе «Понятие сознания», а также некоторых идей Л. Витгенштейна, связанных с его критикой аргумента приватности языка. В ходе предпринятой реконструкции демонстрируется, что для традиции логического бихевиоризма метод изучения сознания из перспективы первого лица не дает никаких эпистемологических преимуществ по сравнению с его аналогом из перспективы третьего лица. Реконструкция второго аргумента связана с анализом критики перцептивной модели интроспекции, предпринятой У. Лайонсом в работе «Исчезновение интроспекции». В соответствии с его рассуждениями, если бы интроспекция была особым внутренним восприятием, то она имела бы собственную феноменологию, которой как раз-таки у интроспекции нет. Аргумент, согласно которому интроспекция ведет к дурной бесконечности, диссертант разбирает на примере его изложения влиятельным американским философом Д. Деннетом. Последний критикует перцептивную модель интроспекции как построенную на предположении о существовании внутреннего наблюдателя, способного фиксировать свои ментальные состояния, что приводит к регрессу в объяснении, а следовательно, ставит под вопрос эпистемологическую значимость интроспекции для анализа сознания. Четвертый аргумент – недопустимости метафоры внутреннего ока – реконструируется на примере анализа работы Дж. Серла «Открывая сознание заново». Диссертант справедливо отмечает, что Серл, критикуя перцептивную модель интроспекции за смешение обыденного и научного языков в объяснении работы сознания, следует за Райлом. Вторая часть второй главы диссертации посвящена редукционистским попыткам объяснения интроспекции. В п. 2.2 диссертант дает детальный анализ попытки Г. Райла, считавшего необходимым элиминировать понятие интроспекции из научного словаря, объяснить механизм, благодаря которому мы знаем самих себя. С точки зрения автора диссертации, Райл предложил редуцировать интроспекцию к ретроспекции своего прошлого поведения. Радикализм объяснения Райла, как убедительно показывает автор диссертационной работы, состоит в том, что ретроспекция прошлого поведения не предполагает никакого привилегированного доступа со стороны самого субъекта. Иными словами,

ретроспекция ментальной жизни субъекта может быть успешно осуществлена не только им самим, но и другими субъектами. В дальнейшем диссертант обстоятельно анализирует еще одну редукционистскую модель объяснения интроспекции, которая была предпринята в XX веке У. Лайонсом. Последний пытался свести интроспекцию к своего рода перепроигрыванию восприятий. Лайонс, в отличие от Райла, считал интроспекцию привилегированной ментальной операцией, однако предложил свести ее работу к ментальным операциям перепроигрывания, воспроизводства или воссоздания восприятий. Интроспекция – это одновременное использование перцептивной памяти и воображения. Вот почему, как убедительно демонстрирует автор диссертации, результаты перепроигрывания перцепций (данных в виде ментальных образов) никогда не тождественны изначальным восприятиям, они суть интерпретации и, соответственно, культурно обусловлены. Данный параграф диссертации представляется мне одним из наиболее эвристически важных. Дмитриева демонстрирует серьезные аналитические способности и очень глубоко вникает и излагает сложные философские и психологические дистинкции, предложенные Лайонсом.

Третья глава диссертационного исследования посвящена плюралистическим моделям интроспекции. Под плюралистическими моделями интроспекции автор диссертации понимает попытки «представить интроспекцию не как единый процесс получения знания о себе, а как множество таких процессов» (с. 77). В диссертации обстоятельно реконструируются плюралистические модели, предложенные тремя представителями современной аналитической философии сознания – Джесси Принцем, Эриком Швитсгебелем и Джесси Батлером. Для всех трех моделей плюралистического толка характерно то, что интроспекция понимается не как единый процесс, а как серия разнородных ментальных подпроцессов, имеющих самостоятельный статус. Таким образом, интроспекция оказывается своего рода зонтичным термином. Эвристически важным, с моей точки зрения, представляется глубокий анализ различия между интроспекцией и вниманием, проведенный в диссертации на примере концепции Батлера. Как демонстрируется в диссертации, плюралистические модели не приводят веских оснований в пользу отказа от использования интроспекции в науке о сознании.

Имеет ли смысл использовать интроспекцию в науке, в частности, в науке о сознании? Этому вопросу посвящена четвертая глава диссертации. В ней диссертант предлагает кропотливый концептуальный анализ эпистемологического значения интроспекции. С точки зрения автора диссертации, различные процессы интроспекции имеют различную эпистемологию, более детально речь идет о следующих типах интроспекции: интроспекция феноменальных убеждений, интроспекция убеждений о причинах поведения, интроспекция феноменального Я.

Важным представляется реконструкция смыслового содержания так называемых чистых феноменальных понятий, а именно строгости их условного и эпистемологического содержания, введенного в оборот современным философом Д. Чалмерсом. Диссертант полагает, что Чалмерс развивает эпистемологию интроспекции феноменальных убеждений. Как справедливо отмечает Дмитриева, в теории Чалмерса не до конца проясняется, как чистые феноменальные убеждения формируются благодаря процедуре так называемого «знакомства», специфической операции интимного соотнесения феноменального понятия с представляемым им феноменальным свойством. Далее диссертант анализирует тезис о неопровержимости феноменальных убеждений, предложенный У. Кригелем, в том числе его эпистемологический потенциал. Тезис Кригеля выглядит достаточно взвешенным: с одной стороны, он выступает против абсолютизации интроспекции в познании, однако, с другой стороны, настаивает на том, что в некоторых (ограниченных) случаях она оказывается незаменимой. Далее диссертант рассматривает более сложный процесс интроспекции, а именно интроспекцию убеждений о причинах поведения. Диссертант показывает, что такой тип интроспекции крайне ненадежен и зависит от типичных стратегий объяснения, имеющих истоки в так называемой народной психологии. Последний тип интроспекции, который анализирует автор диссертации – это интроспекция феноменального Я. Вопрос, который поднимает диссертант в этом разделе, состоит в том, ведет ли интроспекция к формированию целостного феноменального представления о собственном Я. В ходе анализа Дмитриева приходит к выводу, что популярная стратегия объяснения переживания феноменального Я как чувства обладания собственным телом не свободна от противоречий. Таким образом, все три интроспективных процесса, по мысли диссертанта, крайне спорны в отношении их эпистемологического вклада в научное изучение сознания.

Вместе с тем, с точки зрения Дмитриевой, данные интроспекции все же имеют ограниченную эпистемологическую значимость, если их сопровождать корректным методом интерпретации. Последний параграф диссертации посвящен интроспекции в рамках гетерофеноменологии, метода, предложенного Деннетом. Концептуальный анализ, предпринятый диссертантом, показывает, что гетерофеноменологический подход позволяет беспрепятственно включить данные интроспекции в процесс научного изучения сознания.

Необходимо отметить, что диссертационная работа четко структурирована. Можно спорить с тем, как выстроена сюжетная линия диссертантом, но главное, на мой взгляд, что сюжетная линия имеется, она заявлена и вполне четко прослеживается на протяжении всего сочинения, что свидетельствует о продуманности диссертационного исследования и его самостоятельности. Кроме того, мы имеем дело с очень интересной диссертацией. Лично меня предложенная тема исследования затронула и

заставила серьезно задуматься о том вопросе, который подчеркивался диссертантом с самого начала – каково эпистемологическое, теоретико-познавательное значение интроспекции? Мне представляется, что диссертант предложила целый спектр моделей интроспекции. Какую из них использовать и применять в век нейронауки, остается предметом обсуждения как со стороны философов, так и ученых. Главное – знать концептуальные преимущества и недостатки этих моделей. Именно с этой задачей, на мой взгляд, удачно справилась Ангелина Дмитриева. Диссертация предлагает глубокий сравнительный обзор и анализ центральных моделей интроспекции.

Учла ли автор диссертации все модели интроспекции? На мой взгляд, нет. Признаюсь честно, мне не хватило глав о статусе интроспекции в психоанализе и в феноменологии. Я думаю, что психоаналитическую и феноменологическую модели интроспекции не получится свести к перцептивной модели, заложенной в Новое время, равно как и к плюралистическим моделям аналитического толка. Можно ли считать это обстоятельство недостатком диссертации? Отчасти. Во всяком случае, это следовало бы отдельно оговорить в диссертации. Вместе с тем, я бы рассматривал этот недостаток как перспективу для дальнейшего развития исследований о роли интроспекции в современном научном познании.

Далее, мне не совсем понятно, почему во второй главе диссертант заявляет о различии между редуccionистскими подходами к интроспекции (Г. Райл и У. Лайонс) и плюралистическими моделями интроспекции (Дж. Принц, Э. Швитсгебель, Дж. Батлер), а в третьей главе пишет о последних как о редуccionистских моделях (см., например, с. 98). В чем тогда принципиально отличаются редуccionистские модели, изложенные во второй главе, от редуccionистских моделей, которым была посвящена третья глава?

Кроме того, вызывает вопросы само определение интроспекции, данное Дмитриевой на первых страницах текста диссертации. Интроспекция определяется на с. 4 как «способность индивидуального сознания к самоописанию (описанию собственных содержаний), которое может быть выражено в вербальной или невербальной форме». Мне не очень понятно, почему диссертант сводит интроспекцию к «описанию»? Чем не устраивает диссертанта термин «наблюдение» (самонаблюдение, внутреннее восприятие, или даже самовосприятие)? Между описанием и наблюдением имеется существенная разница. Станным образом, спустя несколько страниц текста, уже на с. 7, характеризуя концепцию Ф. Brentano, диссертант сама говорит о том, что интроспекция есть «внутреннее наблюдение, собственно интроспекция». Мне представляется, что диссертанту импонирует теория Джесси Принца, разделяющего интроспекцию на вербальную и невербальную. Однако, с моей точки зрения, автор диссертации в данном случае неверно расставляет акцент. Принц имеет в виду как раз-таки интроспекцию как наблюдение, которое может быть

невербальным, а может сопровождаться своего рода вербальными субтитрами. В определении же Дмитриевой все обстоит иначе: интроспекция предстает в виде процесса самоописания, который бывает вербальным, а бывает невербальным. Однако что именно имеется в виду под невербальным самописанием? Описание символами, образами, иными художественными приемами? Интроспекция как своего рода танец сознания? На эти вопросы в диссертации нет ответа.

Хотя в диссертации встречаются несколько грамматических ошибок (например, в первом и втором предложениях на с. 46), в целом мы имеем дело с грамотным, стилистически выверенным текстом. К формальным замечаниям можно отнести перевод названия статьи Ф. Джексона «Eriphenomenal qualia» как «Эпифеноменологические квалиа» на с. 120. Я бы предпочел перевести ее название как «Эпифеноменальные квалиа», чтобы избежать возможных недоразумений и неверных толкований.

Несмотря на высказанные выше замечания касательно реализации замысла диссертационного исследования и встречающихся в нем недочетов как содержательного, так и формального характера, необходимо констатировать, что мы имеем дело с оригинальной, хорошо продуманной научной работой, обладающей актуальностью, новизной, выраженной авторской позицией, которая прослеживается как в тексте самой диссертации, так и в работах автора, опубликованных в ведущих рецензируемых научных изданиях по философской тематике. Диссертационное исследование полностью соответствует критериям, предъявляемым к кандидатским диссертациям в Постановлении Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842 «О порядке присуждения ученых степеней» (и изменений к нему от 21 апреля 2016 года № 335), а его автор Ангелина Арсеновна Дмитриева заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.01 – онтология и теория познания.

Д. Н. Разеев

27.02.2017

доктор философских наук, профессор кафедры философии науки и техники Санкт-Петербургского государственного университета, 199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5, Институт философии СПбГУ, тел. (812) 3289421, e-mail: d.razeev@spbu.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА
УПРАВЛЕНИЯ КАДРОВ СПбГУ
Н. К. КОРЕЛЬСКАЯ

6

27 ФЕВ 2017